ВОПРОСЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ В КОНСТИТУЦИОННЫХ АКТАХ СТРАН АЗИИ

ЛИВАДНАЯ Юлия Александровна, аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34
E-mail: yulia.liwadnaya@yandex.ru

В статье проведен сравнительно-правовой анализ действующих конституций и актов конституционного значения государств Азии, который позволил автору выявить универсальный и индивидуальный подходы к пониманию правовой природы и содержания понятий преступления и наказания применительно к конституционно-правовому регулированию. Приведены примеры тождественного изложения основных признаков преступления и наказания в конституционных актах стран Азии (преступления и наказания установлены законом; наказание назначается судом только за деяние, которое рассматривается законом как преступное на момент его совершения; никто не может быть подвергнут наказанию большему, чем то, которое предусматривалось законом на момент совершения преступления; наказание носит индивидуальный характер) и самобытного национального регулирования защиты отдельных общественных отношений от преступных посягательств (неприкосновенность государственной власти, общественный порядок и общественная безопасность, права и свободы личности, право собственности, историко-культурное наследие). Сделан вывод о том, что универсальный и индивидуальный подходы к пониманию правовой природы и содержанию понятий преступления и наказания не являются строго дифференцированными в текстах конституций стран Азии. Они тесно переплетены и находятся в постоянном взаимодействии. Особенно ярко это проявляется при отражении вопросов, связанных с лишением пассивного и (или) активного избирательного права, а также отрешением от должности глав государств и дисквалификацией должностных лиц государственных органов власти.

Ключевые слова: конституция, страны Азии, преступление, наказание, шариат, смертная казнь, лишение свободы, конфискация имущества, объекты государственной защиты, лишение избирательного права, отрешение от должности.

ISSUES OF CRIME AND PUNISHMENT IN CONSTITUTIONAL ACTS OF ASIAN COUNTRIES

Yu. A. LIVADNAYA, post-graduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218
E-mail: yulia.liwadnaya@yandex.ru

The current article presents a comparative legal analysis of existing constitutions and acts of constitutional meaning of Asian States, which allowed the author to disclose universal and individual approaches of understanding of legal nature and concept of notion of crime and punishment as applied to constitutional legal regulation. Examples of identical statement of the main elements of crime and punishment in the constitutional acts of Asian countries (crime and punishment established by a law; punishment is determined by the court for act, which is an offence by the law at the moment of its commission; nobody can be subject to sentence more than is provided by the law at the moment of the crime; punishment has individual character) and the original national regulation of protection of separate public relations from criminal infringements (inviolability of state authority, public order and security, individuals' rights and freedoms, right of ownership, historical and cultural heritage) are provided. The author made a conclusion that universal and individual approaches of understanding of legal nature and content of notion of crime and punishment are not strongly differentiable in constitutions of Asian countries. They are closely bound and are in constant cooperation. This is particularly evident when questions connected to deprivation of passive and (or) active electoral right as well as dismissal of heads of states and disqualification of officials of public authorities.

Keywords: constitution, Asian countries, crime, punishment, sharia, death sentence, deprivation of freedom, forfeiture of estate, state protected assets, deprivation of electoral right, dismissal.

DOI: 10.12737/18178

С древнейших времен правовое регулирование вопросов совершения преступлений и применения наказаний занимало центральное место в источниках права, которым правители государств Древнего Востока придавали высшую юридическую силу. Многовековая история стран Азии богата примерами укрепления одних государств и ослабления

других, изменения их границ, безвозвратного исчезновения древних государств с карты мира и появления новых. При этом общемировые тенденции развития права в части структурирования его системы и формирования отдельных отраслей, безусловно, нашли свое отражение в азиатском регионе. Обособление правовых норм о преступлениях и наказаниях

в рамках уголовного права в странах Азии, как и во всем мире, базируется на прочном фундаменте конституционных положений.

Наполненный событиями как общемирового, так и локального значения, XX в. по-особому сказался на конституционном развитии Азии. Начавшись на волне антиколониальной борьбы в первые десятилетия XX в., процесс возникновения конституций продолжил свое развитие после Второй мировой войны и объявления независимости бывших азиатских колоний Англии, Франции, США. Из принятых в этот период конституций выдержали проверку временем и действуют в настоящее время Конституция Ливанской Республики от 23 мая 1926 г., Конституция Республики Индонезия от 18 августа 1945 г., Конституция Японии от 3 мая 1947 г., Конституция Республики Корея от 12 июля 1947 г., Конституция Республики Индия от 26 ноября 1949 г. Большое количество действующих конституций стран Азии было принято в 1950—1970 гг.: в Иордании — в 1952 г., в Малайзии — в 1957 г., в Сингапуре и Брунее — в 1959 г., в Кувейте — в 1962 г., в Объединенных Арабских Эмиратах — в 1971 г., в Бангладеш и КНДР — в 1972 г., в Сирии и Пакистане — в 1973 г., в Шри-Ланке — в 1978 г., в Иране — в 1979 г. В 1982 г. была принята ныне действующая Конституция КНР, в 1987 г. — Конституция Республики Филиппины.

После распада СССР в 1991 г. на карте Азии появились новые суверенные государства, которые также приняли свои конституции: Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

Вообще с начала 1990-х гг. и до настоящего времени отмечается масштабный процесс появления новых конституций в странах Азии. Так, за десятилетие до окончания прошлого века приняли свои конституции Йемен (1991 г.), Монголия (1992 г.), Саудовская Аравия (1992 г.), Вьетнам (1992 г.), Узбекистан (1992 г.), Камбоджа (1993 г.), Таджикистан (1994 г.), Султанат Оман (1996 г.). Начало же нового тысячелетия ознаменовано принятием конституций Бахрейном (2002 г.), Восточным Тимором (2002 г.), Катаром (2003 г.), Афганистаном (2004 г.), Ираком (2005 г.), Непалом (2007 г.), Таиландом (2007 г.), Мьянмой (2008 г.), Бутаном (2008 г.), Мальдивами (2008 г.), Туркменистаном (2008 г.), Кыргызстаном (2010 г.). Самая молодая конституция Азии — Конституция Арабской Республики Египет 2014 г.¹

Безусловно, история конституционного развития каждого государства Азии индивидуальна, равно как

и различны особенности их основных законов. Так, в Израиле отсутствует единый конституционный акт, в настоящее время высшей юридической силой в нем обладают 11 основных законов, первый из которых был принят в 1958 г. Одни государства Азии брали за основу уже состоявшиеся конституционные модели. В частности, Республика Корея следовала образцу Веймарской Конституции 1919 г., а КНР, КНДР, Вьетнам, Лаос восприняли многие ценности советского конституционализма. Кроме того, ряд основных законов стран Азии закрепляет примат и особый статус религиозных норм (например, в конституциях Бутана и Шри-Ланки закреплен особый статус буддизма)².

В конституциях ряда мусульманских государств центральное место занимают нормы, которые устанавливают, что ислам является государственной религией, а шариат — главным источником законодательства (ст. 2 и 3 Конституции Афганистана, ст. 2 Конституции Бахрейна, ст. 2 Конституции Ирака, ст. 2 и 12 Конституции Ирана, ст. 1 Конституции Катара, ст. 2 Конституции Йемена, ст. 7 Конституции Объединенных Арабских Эмиратов, ст. 2 Белой книги Основного закона Султаната Оман, ст. 3 Конституции Сирии, ст. 227 Конституции Пакистана, ст. 2 Конституции Египта). Таким образом, нормы шариата фактически приобретают значение норм акта высшей юридической силы. Принимая во внимание то, что в шариате категории преступления и наказания весьма развиты, структурированы и неоднократно являлись объектом самостоятельных научных исследований³, обратимся к основным определениям этих понятий, изложенным в юридической литературе. Как отмечает Манна Аммар Абдуль Карим, в мусульманском праве «преступление — это нарушение запрета, за который законодатель предусматривает наказание»⁴. При этом «за многие преступления шариат предусматривает смертную казнь, в том числе за отступничество от ислама, разбой, преднамеренное убийство. Виды казни за преступления средневекового характера: отсечение головы, четвертование, побиение камнями, погребение заживо, удушение, утопление... В наказаниях за преступления против жизни и здоровья человека шариат исходил из родоплеменных обычаев арабов: определял «цену крови» (от араб. — «дийя», т. е. выкупа в зависимости от тяжести противоправного действия — убий-

² Подробнее см.: Конституции государств Азии. Т. 1. С. 12—13.

³ См.: Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986; Бизюков С. И. Вопросы ответственности в мусульманской правовой теории // Правоведение. 1989. № 6. С. 80—86.

⁴ Манна Аммар Абдуль Карим. Преступление и наказание по мусульманскому праву // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru>.

¹ Здесь и далее конституционные нормы приводятся по изданию: Конституции государств Азии: в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2010; за исключением норм Конституции Арабской Республики Египет 2014 г., перевод которой на русский язык приводится по источнику: Конституции государств (стран) мира // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru>.

ства или нанесения ранения, увечья). Возмездие по принципу талиона «равным за равное», однородным действием, по-арабски называется кисас: «око за око, зуб за зуб»⁵.

Об актуальности выкупа за кровь в современных условиях свидетельствует то, что вопросы подсудности этой категории дел нашли отражение в ст. 105 Конституции Иордании, в соответствии с которой исключительное право рассмотрения дел по вопросам выкупа за кровь (ад-дийя) в случаях, когда обе стороны являются мусульманами либо когда лишь одна из сторон является мусульманином, но обе стороны согласны на рассмотрение дела шариатским судом, предоставлено только судам шариата⁶.

В целом анализ действующих конституций и актов конституционного значения государств Азии позволяет выявить два основных подхода к пониманию правовой природы и содержания понятий преступления и наказания.

1. *Универсальный подход* предполагает тождественность изложения основных признаков преступления и наказания в конституциях стран Азии. А именно, преступления и наказания установлены законом; наказание назначается судом только за деяние, которое рассматривается законом как преступное на момент его совершения; никто не может быть подвергнут наказанию большему, чем то, которое предусматривалось законом на момент совершения преступления; наказание носит индивидуальный характер. Нормы подобного содержания в различном объеме и текстуальном изложении закреплены, например, в ст. 95 Конституции Египта, ст. 20 Конституции Королевства Бахрейн, ст. 19 Конституции Ирака, ст. 40 Конституции Катара, ст. 20 Конституции Индии, ст. 7 Конституции Малайзии, п. 14 ст. 16 Конституции Монголии и др.

Кроме того, универсальный подход можно проследить в регулировании порядка назначения смертной казни и конфискации имущества как особых мер государственного принуждения, ограничивающих неприкосновенность жизни человека и неприкосновенность права собственности.

Ограничение права на жизнь и применение смертной казни допускаются только на основании судебного решения и в рамках, установленных законом, — этот подход характерен для норм Конституции Шри-Ланки (п. 4 ст. 13), Конституции Пакистана (ст. 9), Конституции Ирака (ст. 15). Конституционные нормы ряда других государств Азии содержат уточнения степени общественной опасности деяния, за которое предусмотрено наказание в виде смертной казни. Например, согласно ст. 18 Конституции Таджикистана «никто не может быть лишен жизни, кроме как по приговору суда за особо тяжкое преступле-

ние»⁷. А часть 1 ст. 16 Конституции Монголии гласит: «Строго запрещается лишение человека жизни, за исключением случаев назначения вступившим в силу приговором суда высшей меры наказания за совершение особо тяжких преступлений, указанных в Уголовном законе Монголии»⁸.

Определенный интерес представляет решение вопроса о применении указанного наказания, отраженное в разд. 19.1 ст. III Конституции Филиппин: «Не может применяться наказание в виде смертной казни, за исключением вопиющих случаев совершения отвратительных преступлений, при условии, если Конгресс предусмотрит введение такого наказания. Вынесенное ранее наказание в виде смертной казни должно быть заменено пожизненным тюремным заключением»⁹.

В тексте Конституции Йемена отсутствует прямое указание на лишение человека права на жизнь путем применения смертной казни. Однако о наличии этого наказания можно сделать вывод исходя из конституционной нормы ст. 123 о порядке исполнения смертного приговора после его утверждения главой государства¹⁰.

Запрет же на применение наказания в виде смертной казни либо ее отмена в абсолютных выражениях изложены в конституциях Кыргызстана, Туркменистана, Бутана, Восточного Тимора, Камбоджи.

Часть 1 ст. 32 Конституции Восточного Тимора содержит также норму о запрете пожизненного заключения или иных мер государственного воздействия, не ограниченных во времени¹¹.

Наказание в виде конфискации имущества может быть назначено только судебным решением и в рамках, установленных законом, что закреплено в нормах ст. 11 Белой книги Основного закона Султаната Оман, ст. 19 Конституции Саудовской Аравии, ч. 3 ст. 15 Конституции Сирии, ст. 39 Конституции Объединенных Арабских Эмиратов, ст. 19 Конституции Кувейта, ст. 20 Конституции Йемена.

В свою очередь, запрет на применение этого вида наказания содержится в п. «д» ст. 40 Конституции Мальдив: «Не подлежит конфискации собственность какого-либо лица в качестве наказания за совершение какого-либо правонарушения»¹².

2. *Индивидуальный подход* предполагает акцентирование внимания на отдельных объектах государственной защиты. В ряде стран Азии таковыми являются:

1) неприкосновенность государственной власти в целом и порядок функционирования отдельных ее

⁷ Конституции государств Азии. Т. 2. С. 759.

⁸ Там же. С. 506.

⁹ Там же. Т. 3. С. 925.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 304.

¹¹ Там же. Т. 3. С. 62.

¹² Там же. С. 477.

⁵ Манна Аммар Абдуль Карим. Указ. соч.

⁶ См.: Конституции государств Азии. Т. 1. С. 175.

ветвей. Так, в ч. 2 ст. 5 Конституции Кыргызстана закреплено, что «узурпация государственной власти является тягчайшим преступлением»¹³.

Пункты 7 ст. 56 и 77 Конституции Непала содержат запрет на оскорбительные высказывания в адрес Законодательного и Учредительного собраний соответственно. В случае признания лица оскорбившим Законодательное либо Учредительное собрание «председательствующий после принятия решения на заседании может вынести в отношении названного выше лица предупреждение, выговор или наложить наказание в виде лишения свободы на срок до трех месяцев или штрафа на сумму до 10 тысяч рупий...»¹⁴. Статья 100 Конституции Шри-Ланки предусматривает наказание в виде штрафа для лиц, участвующих в голосовании в парламенте, но не имеющих на это полномочий либо в силу незаконного получения статуса члена парламента, либо в силу утраты такового¹⁵.

Статья 184 Конституции Египта, провозглашая независимость судебной власти, устанавливает, что «вмешательство в судебные дела или судебное разбирательство является преступлением, которое не имеет срока исковой давности»¹⁶;

2) общественный порядок и общественная безопасность. Например, в соответствии со ст. 28 Конституции Китайской Народной Республики «государство охраняет общественный порядок, подавляет предательскую и прочую контрреволюционную деятельность, карает за нарушение общественной безопасности, дезорганизацию социалистической экономики и другие преступные действия, наказывает и перевоспитывает преступные элементы»¹⁷;

3) права и свободы личности. В соответствии с п. 3 ст. 20 Переходной Конституции Непала «любой женщине гарантирована свобода от физического, психического и иных форм насилия, такого рода действия наказываются по закону»¹⁸. А статья 17 Конституции Индии посвящена отмене неприкосновенности: «Применение каких-либо правоограничений на основании неприкосновенности является преступлением, наказуемым по закону»¹⁹;

4) отношение государства к отдельным объектам собственности. Так, ст. 19 Конституции Йемена закрепляет неприкосновенность публичных фондов и собственности: «Любое посягательство или их злостное использование рассматривается как саботаж и агрессия против общества и те, кто нарушает их священность, наказываются в соответствии с законом»²⁰.

Статья 22 Конституции Объединенных Арабских Эмиратов, провозглашая неприкосновенность общественной собственности, устанавливает, что «защита общественной собственности является обязанностью каждого гражданина. Обстоятельства, при наступлении которых за нарушение этой обязанности назначается наказание, определяются законом»²¹;

5) защита историко-культурного наследия. Наиболее ярким примером в данном случае является ст. 49 Конституции Египта, которая гласит: «Государство обязуется защищать и охранять памятники древности и их территорию, поддерживать их, восстанавливать их, работать в направлении возвращения тех, которые были отобраны, организовывать и контролировать их раскопки. Запрещено отдавать любые из них в качестве подарка или обменивать их. Нападение на них и торговля ими является преступлением, по которому не предусмотрен срок исковой давности»²².

Универсальный и индивидуальный подходы к пониманию правовой природы и содержанию понятий преступления и наказания не являются строго дифференцированными в текстах конституций стран Азии. Они тесно переплетены и находятся в постоянном взаимодействии.

Особенно ярко это проявляется при отражении вопросов, связанных с лишением пассивного и (или) активного избирательного права, а также отрешением от должности глав государств и дисквалификацией должностных лиц государственных органов власти.

Единым основанием для лишения пассивного и (или) активного избирательного права в ряде стран Азии является отбывание наказания в виде лишения свободы за совершение уголовного преступления. Это общее правило отражено в ст. 23 Конституции Бутана, п. «b» ст. 392 Конституции Республики Союз Мьянма, ст. 27 Конституции Таджикистана, ст. 117 Конституции Узбекистана.

В то же время некоторые государства Азии пошли по пути конкретизации этого общего правила с учетом одного из следующих обстоятельств:

1) срока наказания, а также срока, истекшего после его отбывания. Так, в ст. 73 Конституции Мальдив содержится норма о том, что кандидатура на должность депутата Народного собрания снимается с выборов при вынесении «обвинительного приговора суда в отношении данного лица за совершение уголовного правонарушения и отбывание наказания в виде лишения свободы на срок свыше 12 месяцев»²³.

Пункт 6 Основного закона о Кнессете (в редакции поправки № 8) Израиля содержит следующую норму: «Каждый гражданин Израиля, который на день представления списка кандидатов, включающего его фамилию, достиг возраста 21 года, имеет право быть

¹³ Конституции государств Азии. Т. 2. С. 456.

¹⁴ Там же. С. 554, 561.

¹⁵ Там же. С. 929.

¹⁶ Конституции государств (стран) мира.

¹⁷ Конституции государств Азии. Т. 3. С. 233.

¹⁸ Там же. Т. 2. С. 540.

¹⁹ Там же. С. 183.

²⁰ Там же. Т. 1. С. 285.

²¹ Конституции государств Азии. Т. 1. С. 426.

²² Конституции государств (стран) мира.

²³ Конституции государств Азии. Т. 3. С. 485.

избранным в Кнессет, если только он не был лишен этого права по решению суда на основании какого-либо закона, либо приговорен к тюремному заключению на срок от пяти и более лет за преступления против безопасности государства, указанные в законе о выборах в Кнессет, кроме того, он не может быть избран в Кнессет в течение пяти лет после отбытия указанного срока тюремного заключения»²⁴;

2) характера и степени общественной опасности преступления. Так, в соответствии с п. «D» ст. 65 Конституции Ирака кандидат на пост Президента должен «не быть обвиненным в преступлении, затрагивающем вопросы морали»²⁵. А согласно п. 3 ст. 62 Конституции Афганистана кандидат на пост Президента «не должен быть осужден судом за совершение преступлений против человечества, уголовных преступлений или к лишению гражданских прав»²⁶. Конституция Индонезии в ст. 6 предусматривает, что «кандидат в президенты и вице-президенты... не должен когда-либо совершать предательство в отношении государства...»²⁷.

В соответствии с нормами ст. 64 Конституции Йемена кандидат в Палату представителей должен «иметь хороший характер и поведение, не должен иметь судимостей за совершение преступлений, которые противоречат правилам чести и достоинства, за исключением случаев, когда лицо было помиловано либо приговор отменен»²⁸.

В статье 63 Конституции Пакистана приведен перечень преступлений, осуждение за совершение которых лишает возможности участия в выборах в качестве кандидаты в депутаты парламента: коррупция, аморальное поведение, злоупотребление властью или полномочиями, укрывательство от суда²⁹.

Но, пожалуй, самый обстоятельный подход к решению вопроса о лишении активного избирательного права выражен в ст. 89 Конституции Шри-Ланки. Ее можно смело назвать своеобразным рекордсменом среди положений конституций других государств, касающихся вопросов лишения избирательного права. В соответствии с указанной нормой дисквалификационными обстоятельствами являются исполнение в отношении лица наказания в виде лишения свободы сроком не менее шести месяцев за совершение преступления, наказание за которое составляет лишение свободы на срок не менее двух лет, в том числе при замене смертной казни; осуждение за любое коррупционное преступление, взяточничество или незаконную практику в ходе референдума или выборов главы государства или членов парламента; действие решения о наложении гражданской неправо-

способности; осуждение за оскорбление или неуважение к власти любой специальной президентской следственной комиссией; осуждение за ряд других преступлений, предусмотренных определенными разделами уголовного кодекса. При этом в отношении большинства из названных дисквалификационных обстоятельств предусмотрены сроки давности их применения, которые истекают по прошествии семи, пяти или трех лет в зависимости от характера отдельных дисквалификационных обстоятельств³⁰.

В вопросах отрешения от должности глав государств и дисквалификации должностных лиц государственных органов власти единодушие законодателей проявляется в том, что подобные отрешения от власти происходят при совершении определенной категории преступлений. В то же время палитра возможных деяний и наказаний весьма широка. Так, согласно ст. 60 Конституции Ливана «Президент Республики не отвечает за свои действия при исполнении своих функций, кроме случаев нарушения Конституции и государственной измены»³¹. В соответствии с положениями ст. 38 Конституции Шри-Ланки процедура отстранения от должности Президента может быть инициирована, если есть основания полагать, что Президент виновен в совершении умышленного нарушения Конституции; государственной измене; взяточничестве; должностном преступлении или коррупции, сопряженных со злоупотреблением им своим служебным положением; любого преступления в соответствии с любым законом, включая нарушение морального обязательства³².

Согласно п. «d» ч. 2 ст. 66 Конституции Бангладеш лицо теряет парламентский мандат, если «было судимо и приговорено по обвинению в совершении правонарушения, связанного с аморальным поведением, к наказанию в виде лишения свободы сроком не менее двух лет, если только с момента его освобождения прошло менее пяти лет»³³. Согласно ряду норм Конституции Сингапура дисквалифицирующим обстоятельством, несовместимым с занятием определенных государственных должностей (член Совета, Парламента), является то, что в отношении него судом Республики Сингапур или судом иностранного государства «вынесено обвинение в совершении преступления и данное лицо приговорено к тюремному заключению на срок не менее одного года или к уплате штрафа в размере не менее 2000 долларов и указанное лицо не было помиловано...»³⁴. А в соответствии с п. 3 ст. 3 Положения о Совете министров Королевства Саудовская Аравия от 20 августа 1993 г. условием членства в Совете министров является то,

²⁴ Конституции государств Азии. Т. 1. С. 111.

²⁵ Там же. С. 208.

²⁶ Там же. Т. 2. С. 28.

²⁷ Там же. Т. 3. С. 154.

²⁸ Там же. Т. 1. С. 292.

²⁹ Там же. Т. 2. С. 638—639.

³⁰ См.: Конституции государств Азии. Т. 2. С. 917—919.

³¹ Там же. Т. 1. С. 403—404.

³² Там же. Т. 2. С. 888.

³³ Там же. С. 75.

³⁴ Там же. Т. 3. С. 715, 724.

что его член «не может быть обвинен в преступлении против религии и чести»³⁵.

Таким образом, мировые тенденции глобализации, несомненно, оказали влияние на конституционное развитие Азии и нашли отражение в том числе в

нормах основных законов, содержащих общие признаки понятий преступления и наказания. В то же время индивидуальный подход к изложению в конституциях государств Азии отдельных аспектов преступлений и наказаний позволяет говорить о сохранении национальной идентичности, самобытности и узнаваемости норм их основных законов.

³⁵ Конституции государств Азии. Т. 1. С. 506.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бизюков С. И. Вопросы ответственности в мусульманской правовой теории // Правоведение. 1989. № 6.
Конституции государств (стран) мира // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru>.
Конституции государств Азии: в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2010.
Манна Аммар Абдуль Карим. Преступление и наказание по мусульманскому праву // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru>.
Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986.